

Соотношение философии и психологии в философском миросозерцании В.Н. Карпова

Гоян Игорь Николаевич

*Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника,
Украина*

e-mail: ivi1970@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются философско-психологические взгляды выпускника Киевской и профессора Петербургской духовной академии В.Н. Карпова. Рассматриваются существующие в литературе оценки его позиции как психологизма. На основании анализа текстов В.Н. Карпова делается вывод, что если у него и было стремление поставить психологию в центр философского знания, то это была не эмпирическая психология, а близкая к философской антропологии «наука самопознания». «Психологизм» Карпова оказывается родственным Гуссерлеву антипсихологизму тем, что он исходит из Декартового сознания как первой безусловной философской истины.

Ключевые слова: психологизм, философская психология, духовно-академический теизм, антипсихологизм, В.Н. Карпов

Ratio of philosophy and psychology in philosophical outlook of V.N. Karpov

Goyan Igor Nikolaevich

Vasyl Stefanyk Ciscarpathian National University, Ukraine

e-mail: ivi1970@mail.ru

Abstract. The article analyzes the philosophical and psychological views of graduate and professor of the Kiev Theological Academy of St. Petersburg V. Karpov. The author considers the existing literature evaluating his position as psychology. Based on the analysis of texts of V.N. Karpov it is concluded that if it was the desire to put in the center of the psychology of philosophical knowledge, it wasn't empirical psychology, but "the science of self-knowledge" close to the philosophical anthropology. "Psychologism" of Karpov is akin to Husserl's antipsychologism in that it is based on the Cartesian consciousness as the first absolute philosophical truth.

Keywords: psychologism, philosophical psychology, theological-academic theism, antipsychologism, V.N. Karpov

В истории отечественной философии есть фигура, одновременно и прославленная – однако не собственными идеями, а презентацией идеей другого философа, – и крайне мало известная своими собственными мыслями, которые, при ближайшем рассмотрении, оказываются удивительно актуальными, хотя их возраст – как минимум, полтора столетия. Речь идет о «лучшем переводчике сочинений Платона», как его характеризует украинская исследовательница Н. Мозговая [14], – Василии Николаевиче Карпове (1798–1867). Впрочем, стоит напомнить, что первым, кто назвал перевод В. Карпова «едва ли не лучшим из всех европейских переводов великого мыслителя древней Греции», был Виссарион Белинский [5, с. 613]¹.

Этот философ, действительно, не так часто попадает в центр исследовательских интересов историков философии. Однако нельзя не вспомнить почти 300-страничную докторскую диссертацию, посвященную творчеству В. Карпова, которая была защищена в 1987 г. в Мюнстерском университете немецким исследователем Андреасом Фритше [1]. К 200-летию философа появился также подробный очерк его жизни и деятельности, написанный Архимандритом Августином (Никитиным) [3]. В Украине творчеству В. Карпова посвятила свою кандидатскую диссертацию и ряд публикаций уже упомянутая Наталия Мозговая [12; 13]. Доклад «О формировании образа Платона как символа русской философии в сочинениях В.Н. Карпова» представлял в сентябре 2016 г. на конференции в Санкт-Петербурге японский исследователь Симосато Тосиюки. Следует отметить и недавние переиздания произведений В. Карпова в России [9], а также начало их трехтомного издания в Украине [11].

В этой статье мы затронем только один аспект философской «системы»² киевско-петербургского профессора – а именно, решение им вопроса о соотношении философии и психологии. Напомним, что XIX столетие прошло под знаком постепенного (а временами и резкого) размежевания философии и

¹ Придирчивый и «неистовый» критик, вчитавшись детальнее, так оценивал первого «русского Платона»: «Перевод г. Карпова именно такой, какого только нужно желать в наше время: верный и точный до буквальности, носящий на себе отпечаток того языка, с которого он сделан; но оттого русский язык в нем несколько не изнасилован и не лишен своей естественности. Перевод изящный более обогатил бы нашу литературу, чем познакомил бы нас с Платоном» [6, с. 389].

² В предисловии к своему «Введению в философию» В. Карпов пишет про причины, побуждающие его издать «мою систему» [8, с. 42]. Конечно, про оригинальную и развернутую философскую систему Василия Карпова трудно говорить, но стоит отметить эту его интенцию.

психологии, выделения последней в самостоятельную науку, а иногда и стремления подменить философию психологией, представить последнюю в качестве основной философской дисциплины (что, собственно, можно охарактеризовать как «философский психологизм» [7]). Эти общеевропейские тенденции не обошли и отечественную философию того времени, которая развивалась в границах научно-образовательного пространства Российской империи. Фигура Василия Карпова в этом контексте особенно интересна тем, что именно ему – молодому выпускнику, бакалавру Киевской духовной академии, – было поручено в начале 1830-х гг. читать нововведенный предмет – психологию.

Исследователями уже отмечалась определенная склонность В. Карпова к психологизму. А. Абрамов, в частности, писал: «Особой областью метафизических исследований <...> признавался человек и окружающий его мир в той мере, в какой он способен отражаться в человеке, а так как отражения в человеческом сознании бывают правильные и неправильные, то возникает потребность в определенном критерии, которым могут быть только присущие человеческой природе нормы. Из этого антропологизма возростала роль психологии, которая, по мнению Карпова, должна лежать в основании всей энциклопедии философских наук, имея своим источником внутренний опыт, свободный от каких-либо предвзятых мнений. Вместе с тем совершенно чистое опытное исследование невозможно, считал Карпов, поэтому при психологических исследованиях необходимо руководствоваться святоотеческим богооткровенным учением о человеческой природе. Философский психологизм Карпова был очень тесно связан с его логицизмом онтологического характера <...>» [2, с. 88].

В этом контексте невозможно, конечно, обойти и оценку Карпова Густавом Шпетом. Известный своим крайним скептицизмом в отношении к практически всем фигурам ранних этапов развития философии в России, особенно – к представителям «теизма и спиритуализма», Шпет, все-таки, не мог не признать определенных преимуществ Карпова: «Он научно строже Сидонского, систематичнее, и он умнее Надеждина, Кедрова, Дроздова» [15, с. 400]. Однако, конечно, проводя в данном случае последовательную гуссерлианскую линию, Шпет раскритиковал психологизм Карпова. Прежде всего, он отметил симпатию Карпова к немецким кантианцам Кругу и Рейнгольду, «но при обесцвечивающем их устранении кантианства и с преувеличенным увлечением психологизмом» [15, с. 393]. В этом отношении Шпет солидаризировался с тем же В. Белинским, который уже в своих первых рецензиях нашел у Карпова «мертвую психологию», усмотрев ее источник в

«метафизическом», то есть, по Шпету – в «спиритуализме», который «всегда психологистичен» [15, с. 393-394]³.

Шпет доказывает, что Карпов, апеллируя к Рейнгольду и Кругу, фактически отходит от них, «скатываясь под гору философии к крайнему психологизму», а именно: «трансцендентальный синтез», который Круг усматривал в «первичном факте сознания», и в котором скрывался его психологизм, у Карпова открыто превращается в «наше Я с главными проявлениями его природы», а потому у него «первая наука в системе философии есть наука самосознания, или субъекта в сфере мыслимого» [15, с. 396-397]. Шпет оценивает такой поворот как тенденцию «к самому неприкрытому натуралистическому антропологизму» [15, с. 397].

Интересно, что при этом Шпет признает, что на самом деле тенденция Карпова является обратной – он «против натурализма, который он связывает с пантеизмом» [15, с. 397]. Однако эту тенденцию, а именно, «исправления» этого «психологистского натурализма» на спиритуализм, Шпет уже не принимает в связи с своим враждебным отношением к любой метафизике. Соответственно, связь психологизма с «логицизмом онтологического характера» (по выражению А. Абрамова) – когда Карпов пишет, что «психология должна начинать свое поприще исследованием человеческого бытия, а не деятельности» [15, с. 398], – и построение на этой основе «трансцендентального синтеза» («синтетизма») Шпет воспринимает уже как неуместное терминологическое заимствование.

Стоит еще раз подчеркнуть, что оценка Густава Шпета в данном случае не может считаться вполне объективной – она является крайне антипсихологистской, и в этом отношении, как свидетельствует дальнейшее развитие философии в XX в., односторонней. Но тогда возникает необходимость более адекватного толкования позиции Василия Карпова по вопросу о соотношении философии и психологии.

³ Виссарион Белинский, между прочим, мог бы поспорить с Гуссерлем за первенство в деле обличения психологизма. Явно опираясь на Гегеля, Белинский так «разоблачал» Карпова: «...Он так несправедливо понял философию, так стеснил ее пределы, что, вместо живого духа ее, получил мертвую психологию. В самом деле так: не взвесив того, что содержится в понятии самопознания, он понял его совершенно антифилософски, как познание души. Психология есть для него самая существенная философская наука, а рассуждение об уме, воле и сердце – главное ее содержание. Все области духа, по его мнению, должны быть изучаемы с психологической точки зрения; так, например, искусство должно идти не от понятия, не от существа своего, а от человеческого сердца. – Метафизическое, по мнению автора, есть нечто среднее между духовным и физическим, – а духовное, единственно истинное содержание философии, объявляется для нее недоступным: это что-то неизменное, бесформенное (странно!), ни нумен, ни феномен. ... Метафизическое (в смысле автора) снова приводит нас к психологии и снова разлучает нас с истинною философиею» [4, с. 288-289]. Впрочем, Белинский отдает справедливость автору «Введения в философию»: «... Он искусно владеет своею мыслию и обличает в себе зрелого наставника; в книге его рассеяно много отдельных мыслей, прекрасных и истинных; на всем лежит печать возмужалой обдуманности» [4, с. 289].

Карпов опирается на так любимого им Платона в утверждении, что «истинная наука должна основываться на философии, а истинная философия – состоять в самопознании». Со времен Вольфа это $\gamma\nu\omega\theta\iota\ \sigma\epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ «образовалось в особенное философское учение, известное у нас под именем психологии, или общее – антропологии» [8, с. 56]. При этом, если другие науки отделялись от философии, то «наука самопознания постоянно действовала в сфере философских изысканий и почти всегда служила для них основанием» [8, с. 57]. Исходя из вольфианской традиции различения рациональной и эмпирической психологии, Карпов – это важно отметить – отличает психологию как «только исследование опытных явлений психической жизни» (которую немецкие философы – в частности, Рейнгольд – рассматривали в качестве пропедевтики философии) от «науки самопознания» – как, очевидно, не пропедевтики, а основы философии. Впрочем, и эмпирическая психология, по его мнению, «не может не быть наукой философской, потому что в ней необходимо должны излагаться основания Философии, следственно существенный элемент ее» [8, с. 57]⁴.

Таким образом, логика развития философского знания, по Карпову, состоит в том, что наука самопознания является не только основой выделения и развития наук о природе, которые связаны с потребностями человека, но и остается основой философии, или вообще философией как таковой (Карпов часто использует эти термины как синонимы) – она «не может выйти из сферы наук философских, не уничтожив существа самой Философии и не разрушив системы всех человеческих знаний» [8, с. 58]. При этом предмет философии обосновывается Карповым, во-первых, единством любых частичных явлений природы (изучаемых отдельными науками) как «одного бытия», и, во-вторых, возможностью познавать это бытие исключительно как «область *метафизического*», т. е. «*сверхчувственного*» [8, с. 60, 62]. Отличая «метафизическое» как от «физического», так и от «духовного», философ уточняет – это «и не односторонние, чисто формальные представления нашего я, и не вещь сама по себе, но царство мысли, организующееся из их элементов, субъекто-объект, сочетающий в себе их реальности, одним словом: *мыслимое*, соединяющее внутреннее с внешним, познание с бытием» [8, с. 63].

Таким образом, если у Карпова и было стремление поставить психологию в центр философского знания, то это была вовсе не психология чувств и представлений, это не была та эмпирическая психология, которую уже в середине XIX века, учитывая ее склонность быть точной наукой в отличии от

⁴Восстанавливаем написание слова «Философия» с прописной буквы по первому изданию «Введения в Философию» В. Карпова 1840-го года.

размытого философствования, многие начали рассматривать в качестве магистрального пути развития философии, вследствие чего не только терялась собственно философия, но и формировалась чисто позитивистская «психология без души». На самом деле можно утверждать, что «психологизм» Карпова сродни Гуссерлеву антипсихологизму именно тем, что он, фактически, исходит из Декартового сознания как первой безусловной философской истины, называя положение «я *сознаю*» одновременно и субъективной, и объективной стороной начала философии [8, с. 77, 80]. Вполне в духе платонизма Карпов рассматривает сознание как «*начало и познания, и бытия*», различая в нем «психическую силу» и «содержание» (сразу вспоминаются ноэза и ноэма Гуссерля...), но подчеркивая (как это делает, собственно, и гуссерлианская феноменология), что их никогда нельзя отделять одно от другого, что сознание человека всегда *конкретно* – в человеке «невозможно ни сознание без сознаваемого, ни сознаваемое без сознания; эти элементы, не соединяясь взаимно, не существуют для человека» [8, с. 80].

Ключевым в толковании предмета и значения философской психологии (такое название здесь лучше подходит, чем Вольфова «рациональная психология») является очерк Карпова «О самопознании», напечатанный в 1860 г. В духе Гуссерлевого «эпохэ», но добавляя при этом элементы моральной оценки, он начинает свой анализ с «вынесения за скобки» всего, что является внешним для человека, что на самом деле не является им самим – материальных благ и призраков внешнего блеска, достижений наук и искусств и пустых удовольствий. «Зная» свои внешние характеристики (и часто хвастаясь ими) человек на самом деле «знает не *себя*, а *свое*, а это *свое*, по какому-то нравственно-оптическому обману, принимает за *себя*» [10, с. 258-259]. Философ прочерчивает резкую и однозначную границу между этими двумя видами знания: «Итак, эгоистическое знание себя в своем не только не есть самопознание и противоположно ему – это два враждебных начала, в одной и той же душе несовместимые и взаимно себя изгоняющие» [10, с. 259].

Итак, предметом самопознания является «самое наше бытие и каким оно является нам в сознании» [10, с. 259]. Достижение этого предмета осуществляется путем своеобразного самоотстранения, объективации хода собственной мысли. При этом Карпов различает *практическое* самопознание – конкретный самоанализ, имеющий преимущественно воспитательное значение (ярким примером для профессора духовной академии является самопознание христианских подвижников), и самопознание *теоретическое*, которое, собственно, «и вошло в энциклопедию наук под именем психологии» [10, с. 263].

Однако точно так же, как практическое самопознание зависит от способностей, воли и морального состояния (степени эгоизма) конкретного человека, так и теоретическое познание оказывается зависимым от морально-духовного состояния общества. Если в отдельные периоды «человеческая природа в недрах гражданских обществ становится светлее, утешительнее, отраднее; на поприще жизни выступают умы сильные, воля добрая, сердца любящие, и самопознание таких душ видит в них самих область неизмеримую, богатство фактов нравственной жизни неисчерпаемое», то в другие – «бессмертный наш дух» «только слабым мерцанием озаряет блуждающие во мраке человеческие общества». В такие периоды ослабляются как способности умственного усмотрения, так и понятия о добре и зле; человек ограничивается материальными потребностями и, соответственно, требует от любого познания только материальной пользы. Соответственно, теоретическое самопознание «стесняется в своих пределах и получает характер материалистический, пока совсем не изгонится из энциклопедии наук как учение, не представляющее никаких материальных интересов» [10, с. 263-265] (звучит, кажется, слишком актуально – в свете современных тенденций «коммерциализации науки»!).

Итак, философская психология (собственно, и философия как таковая), в отличие, очевидно, от любой науки, в том числе и психологии эмпирической, согласно мысли Карпова, не развивается последовательно-прогрессивно – она «никогда не следует закону постепенного развития, но всегда служит выражением нравственного состояния того народа, в котором появляется, и того времени, когда происходит» [10, с. 265] (чем-то это напоминает Гегеля: «Философия есть эпоха, отраженная в мысли»). Еще раз в этой связи отметим, что самопознание у представителя духовно-академического теизма с очевидностью имеет моральный, еще глубже – религиозно-христианский смысл (что и отталкивало феноменолога Шпета). То есть, философская психология Карпова – это, собственно, познание глубинной моральной природы («космоса») человека. Это познание может только исказить «туманная атмосфера душевной жизни» – человеческие желания, чувства, страсти. Наоборот, это познание просветляет вера: «При свете сего Божественного фarosа наука самопознания никогда не уклонится от истины и, сколько можно человеку видеть, увидит и разгадает тайны душевной жизни, ибо в этом случае человек будет видеть себя не самим собою, а бесконечным умом Того, Которым существует и движется» [10, с. 268].

Возвращаясь к киевским истокам философско-преподавательской деятельности В. Карпова, отметим, что его «психологизм» нашел достойное развитие в его учениках. Так, с 1836 по 1850 г. в Киевской Духовной академии

преподавал Петр Семенович Авсенеv, который фактически был первым, кто поднял преподавание психологии в КДА действительно на научный уровень. Сначала он опирался на немецких авторов, преимущественно шеллингианцев, но уже в 1845, став ординарным профессором, он пишет собственную работу по психологии. Отдавая предпочтение немецкой психологической школе перед английской (собственно, не только шеллингианству, но и вольфианству), П. Авсенеv, как и В. Карпов, шел по пути философской (спекулятивной, рациональной), а не эмпирической психологии. Важной чертой его методологии было также соединение философско-психологических и религиозных подходов – в целом философ оставался в пределах православно-христианского учения. В соответствии с немецкой традицией, и развивая идеи В. Карпова, П. Авсенеv усматривал в психологии способ самопознания, отождествляя ее в этом отношении с антропологией [7, с. 171-179].

В заключение можно добавить, что психологистский «привкус» произведениям Карпова добавляет метафорический, образный стиль его философствования (который, безусловно, помог ему в переводах Платона). Можно в целом говорить, конечно, про очевидную склонность киевско-петербургского профессора к философскому психологизму, но это была вовсе не банально-прямолинейная подмена философии психологией, а четко продуманное и выписанное философско-антропологическое учение о бытии человека как погруженном в «бесконечный разум» сознании-совести, определяющей моральные законы и истинные потребности человеческой жизни.

Список литературы:

1. Fritzsche A. Philosophieren als Christ: zur russischen "geistlichen Philosophie" am Beispiel V.N. Karpov. Münster : Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster, 1987. 292 p.
2. Абрамов А.И. Русское духовно-академическое философствование как феномен русской философской культуры // Абрамов А.И. Сборник научных трудов по истории русской философии / Сост., подгот. текста, предисл. В.В. Сербиненко. М.: Кругъ, 2005. С. 31–117.
3. Архимандрит Августин (Никитин). Василий Карпов. Очерк жизни и деятельности (к 200-летию со дня рождения русского философа) // Вече. Вып. 11. Санкт-Петербург, 1998. С. 59–97.

4. Белинский В.Г. Введение в философию. Сочинение проф. Карпова // Полное собрание сочинений. Т.4. Статьи и рецензии (1840–1841). М.: АН СССР, 1954. С. 285–289.
5. Белинский В.Г. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Санкт-Петербургской духовной академии Карповым. Часть 1. // Полное собрание сочинений. Т.5. Статьи и рецензии (1841–1844). М.: АН СССР, 1954. С. 613–614.
6. Белинский В.Г. Сочинения Платона. Переведенные с греческого и объясненные профессором Санкт-Петербургской духовной академии Карповым. Часть II-я. // Полное собрание сочинений. Т.6. Статьи и рецензии (1842–1843). М.: АН СССР, 1955. С. 382–390.
7. Гоян І.М. Історико-філософська рефлексія психологізму: на перетині філософії і психології: монографія. – Івано-Франківськ, 2011. – 330 с.
8. Карпов В.Н. Введение в философию // Сочинения: в 3 т. Т. 1 / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г., авт. вступ. ст. Поперечная Г.А. Мелитополь: Изд. дом Мелитопольской городской типографии, 2013. С. 41–128.
9. Карпов В.Н. Избранное. СПб.: Академия самопознания «Тропа Троянова», 2004. 304 с.
10. Карпов В.Н. О самопознании // Сочинения: в 3 т. Т. 1 / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г., авт. вступ. ст. Поперечная Г.А. Мелитополь: Изд. дом Мелитопольской городской типографии, 2013. С. 255–271.
11. Карпов В.Н. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г., авт. вступ. ст. Поперечная Г.А. Мелитополь: Изд. дом Мелитопольской городской типографии, 2013.
12. Мозгова Н.Г. В. Карпов і психологізація логіки в середині ХІХ століття // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Філософія. Тернопіль, 2002. № 9. С. 72–76.
13. Мозгова Н.Г. В. Карпов про гносеологічні засади логіки // Філософські обрії. Вип. 9. Київ; Полтава, 2003. С. 238–250.
14. Мозгова Н.Г. Найкращий перекладач творів Платона // Мозгова Н.Г. Київська духовна академія, 1819–1820: Філософський спадок. К.: Книга, 2004.
15. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / Вступ. ст. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 217–578.

References:

1. Fritzsche A. Philosophieren als Christ: zur russischen "geistlichen Philosophie" am Beispiel V.N. Karpov. Münster : Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster, 1987. 292 p.
2. Abramov A.I. Russkoe duhovno-akademicheskoe filosofstvovanie kak fenomen russkoj filosofskoj kul'tury // Abramov A.I. Sbornik nauchnyh trudov po istorii russkoj filosofii / Sost., podgot. teksta, predisl. V.V. Serbinenko. M.: Krug#, 2005. S. 31–117.
3. Arhimandrit Avgustin (Nikitin). Vasilij Karpov. Oчерk zhizni i dejatel'-nosti (k 200-letiju so dnja rozhdenija russkogo filosofa) // Veche. Vyp. 11. Sankt-Peterburg, 1998. S. 59–97.
4. Belinskij V.G. Vvedenie v filosofiju. Sochinenie prof. Karpova // Polnoe sobranie sochinenij. T.4. Stat'i i recenzii (1840–1841). M.: AN SSSR, 1954. S. 285–289.
5. Belinskij V.G. Sochinenija Platona, perevedennye s grecheskogo i ob#jasnen-nye professorom Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii Karpovym. Chast' 1. // Polnoe sobranie sochinenij. T.5. Stat'i i recenzii (1841–1844). M.: AN SSSR, 1954. S. 613–614.
6. Belinskij V.G. Sochinenija Platona. Perevedennye s grecheskogo i ob#jasnen-nye professorom Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii Karpovym. Chast' II-ja. // Polnoe sobranie sochinenij. T.6. Stat'i i recenzii (1842–1843). M.: AN SSSR, 1955. S. 382–390.
7. Gojan I.M. Istoriko-filosofs'ka refleksija psihologizmu: na peretini filosofii i psihologii: monografija. – Ivano-Frankivs'k, 2011. – 330 s.
8. Karpov V.N. Vvedenie v filosofiju // Sochinenija: v 3 t. T. 1 / red. Mozgovaja N.G., Volkov A.G., avt. vstup. st. Poperechnaja G.A. Melitopol': Izd. dom Melitopol'skoj gorodskoj tipografii, 2013. S. 41–128.
9. Karpov V.N. Izbrannoe. SPb.: Akademija samopoznania «Tropa Trojanova», 2004. 304 s.
10. Karpov V.N. O samopoznanii // Sochinenija: v 3 t. T. 1 / red. Mozgovaja N.G., Volkov A.G., avt. vstup. st. Poperechnaja G.A. Melitopol': Izd. dom Melitopol'skoj gorodskoj tipografii, 2013. S. 255–271.
11. Karpov V.N. Sochinenija: v 3 t. T. 1 / red. Mozgovaja N.G., Volkov A.G., avt. vstup. st. Poperechnaja G.A. Melitopol': Izd. dom Melitopol'skoj gorod-skoj tipografii, 2013.
12. Mozgova N.G. V. Karpov i psihologizacija logiki v seredini HIIH stolittja // Naukovi zapiski Ternopil's'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Gnatjuka. Serija: Filosofija. Ternopil', 2002. № 9. S. 72–76.

13. Mozgova N.G. V. Karpov pro gnoseologichni zasadi logiki // Filososfs'ki obrii. Vip. 9. Kiiv; Poltava, 2003. S. 238–250.
14. Mozgova N.G. Najkrashhij perekkladach tvoriv Platona // Mozgova N.G. Kiivs'ka duhovna akademija, 1819–1820: Filososfs'kij spadok. K.: Kniga, 2004.
15. Shpet G.G. Oчерk razvitija russkoj filosofii // Vvedenskij A.I., Lo-sev A.F., Radlov Je.L., Shpet G.G. Oчерki istorii russkoj filosofii / Vstup. st. B.V. Emel'janova, K.N. Ljubutina. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 217–578.

Сведения об авторе:

Гоян Игорь Николаевич, доктор философских наук, декан философского факультета, Прикарпатский национальный университет им. Василия Стефаника (Украина)